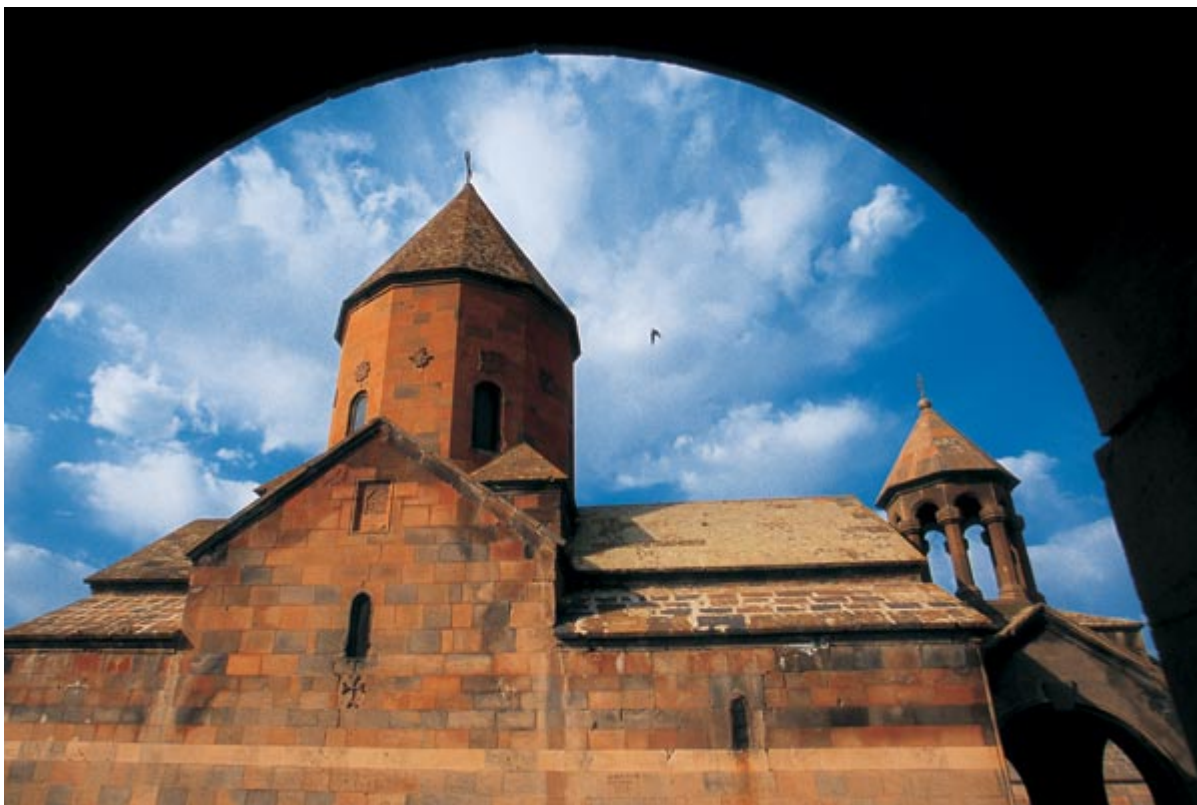

Армянский дневник

Пятнадцать лет — срок большой. Столько лет я не была на своей исторической родине. Российские газеты и журналы о современной Армении пишут нечасто. Вспоминается, впрочем, статья трехлетней давности в одном московском издании о постсоветском Ереване. Не без снобизма жителя мегаполиса автор умилялся сохранившимся в армянской столице (в силу своей провинциальности, надо полагать) детской железной дороге, каруселям с деревянными лошадками и лимонаду, а также патриархальности уклада и гостеприимству ереванцев. У меня никакой ностальгии нет, а незатейливые радости детства были начисто стерты из памяти другими воспоминаниями: предпоследняя моя поездка совпала с карабахскими событиями и землетрясением, а последняя, зимой 1991-го, — с разрухой, отсутствием света и тепла. Я дала себе обещание никогда больше туда не возвращаться и держала его до настоящего дня. И вот я все-таки еду в Армению, от «Вокруг света». Не знаю, почему согласилась, наверное, это просто должно было случиться...

Памятник 1600-летию армянского алфавита был сооружен в прошлом году — к северу от Еревана на пути в Спитак

Все началось с приключений, причем прямо в московском аэропорту. Во время регистрации обнаружилось, что вместо заграничного паспорта я почему-то взяла с собой российский. То ли «советский синдром» сработал, то ли подсознание еще противилось смелому решению ехать. «Вы никуда не летите», — безапелляционно заявил мне представитель авиакомпании. «Что ж, **Армения** не желает без испытаний принять назад свою блудную дочь», — подумала я. Всучив свой багаж командированному со мной фотографу Саше, еду домой за паспортом, почему-то не сомневаясь, что все же сегодня вылечу. При том, что лето и билетов нет — армянская диаспора в Москве нешуточная, многие уезжают домой на каникулы. Пробки, снова аэропорт, несколько часов томительного ожидания — и я обладательница единственного свободного билета. Уже глубокой ночью лечу в Ереван...

Матенадаран — крупнейшее в мире хранилище древних рукописей — возвышается над проспектом Месропа Маштоца. Над зданием видна 20-метровая фигура Матери Армении из чеканной меди. Возведена она в 1968 году, и видно ее в городе отовсюду

Армянский алфавит: 1600 лет в ходу

В 387 году Армения была завоевана и разделена между Византией и Персией. Последняя, исповедовавшая зороастризм, пыталась навязать его и армянам, уже принявшим в 301 году христианство. Не получилось. Более того, религия Иисуса немедленно стала единственным оплотом национального объединения. Однако поскольку христианство пришло на берега Севана из эллинизированной Месопотамии, богослужение велось на греческом языке. В создавшейся ситуации для сопротивления чуждому вероучению, насаждаемому захватчиками, логично было сделать Евангельское учение более понятным народу. Так среди патриархов армянской церкви возникла идея создать собственную письменность и перевести Священное писание на родной язык. Поручили эту важную миссию монаху Месропу Маштоцу. Он принадлежал к высокому сословию, был блестяще образован, знал в совершенстве греческий. Кстати, до того как Маштоц изобрел свой алфавит, пытались

использовать арамейский, так называемые данииловские письмена (не сохранились) и некоторые другие системы. Но они, как выяснилось, не могли адекватно передать все звуки армянского языка и были отменены. Маштоц взялся за дело с большим рвением, работал в лучших библиотеках эллинистического мира (например, в Эдесской), изучая все древние письмена. Его старания вскоре принесли плоды. Используя буквально все известные тогда азбуки, он разработал оригинальную графику из 36 знаков, совершенную с точки зрения армянской фонетики. Вероятно, именно поэтому им пользуются и поныне — почти без изменений! Создав в Эдессе алфавит, Маштоц направился в другой сирийский город — Самосат, где нашел греческого каллиграфа по имени Ропанос и с его помощью начертал все изобретенные им буквы, придав им окончательно «кодифицированный вид». А затем — с учениками — приступил к переводу Библии. Закончив его, он отправился в обратный путь домой, где развернул большую деятельность по распространению нового письма. Открывались школы, монахи переводили все главные книги богословия... Всю оставшуюся жизнь Маштоц посвятил проповеднической миссии, тем более действенной, что она теперь вооружилась серьезным оружием — собственным алфавитом.

День первый Каменный алфавит. Безмолвный город

В ереванский аэропорт Звартноц мы прибыли в 5 часов утра. Крохотный зал прилетов, теснота и сутолока при получении багажа. Архитектурная гордость Армении, этот необычный, похожий на инопланетную тарелку аэропорт, построенный в 1970 годах, не ремонтировался, наверное, лет десять. С трудом обнаруживаю выход — и тут же оказываюсь в тесном кольце таксистов-частников, предлагающих отвезти куда угодно, хоть на край света. Совсем как в Москве. Я терпеливо жду опаздывающих родственников — за истекшие сутки я привыкла ждать. Но вот наконец едем в город. Дорога из аэропорта на первый взгляд ничуть не изменилась: те же аккуратные каменные домики вдоль шоссе с выставленными на продажу цветами для встречающих и провожающих. Затем — тот же живописный въезд в город: слева на возвышении — строгое здание Ереванского коньячного завода из темно-оранжевого, как сам коньяк, туфа и монументальный мост над рекой Раздан. А дальше — купол

церкви Св. Саркиса (долгое время остававшийся главной доминантой городской панорамы), мелькание знакомых улиц, редкие утренние машины и уже успевшая пожелтеть от июньской жары трава на газонах. Бросающихся в глаза изменений пока нет. Разве что все магазины другие — столько лет прошло!

...У меня всего два часа на отдых. Саша уже успел подружиться с ребятами-журналистами из местного новостного агентства, которые составляли программу нашего путешествия и по очереди должны были нас опекать. Их трое — Ара, Давид и Карен. Сегодня с нами Ара. Узнав, что я готова, несмотря на бессонную ночь, ехать в Спитак, все с облегчением вздохнули: по меркам маленькой страны, это не далеко — 97 километров на север от Еревана.

Выезжаем. Постепенно суровый пейзаж с резко очерченными каменистыми горами уступает место более мягкому, волнистому ландшафту — холмам, устланным бархатной зеленью и цветущей альпийской растительностью. А надо всей этой красотой парит заснеженная гора-вулкан Арагац, самая высокая на территории Армении. К этой резкой смене картинок: то зеленая [Швейцария](#), то мощные скалистые горы, то безлюдные библейские холмы — привыкнуть невозможно даже тому, кто тут вырос. Деревень на пути встречается мало — здешняя земля не отличается плодородием. В высокогорье разводят скот, внизу изредка разбросаны огороды, где в основном выращивают картошку, капусту да свеклу. Вдруг слева по дороге, словно из-под земли, вырастают странные сооружения. Подъехав поближе, узнаю в двухметровых громадах армянские буквы, высеченные из туфа. Странное зрелище в окружении гор! Оказалось, что это памятник в честь 1600-летия армянского алфавита, которое отмечали в прошлом году. Заметив недоумение москвичей, наш водитель Гагик горячо восклицает: «Разве буквы, которыми мы пользуемся уже более тысячи лет, не заслуживают такого памятника?» Армяне очень гордятся своей письменностью, которая выдержала испытание и временем, и войнами, став символом живучести древнего народа.

Еще час дороги — и мы в Спитаке. О существовании этого обычного городка с населением 18 500 жителей вряд ли кто-то узнал бы за пределами страны, если бы не страшное землетрясение 7 декабря 1988 года, сровнявшее его с землей. В тот день погибло множество его жителей. Потрясенный масштабами бедствия, весь мир бросился тогда ему на помощь. Спитак был признан единственным городом в зоне бедствия, разрушенным на 100%. Строили все — республики тогдашнего СССР, [Италия](#), [Швейцария](#), [Германия](#), [Норвегия](#), Чехословакия, [Кувейт](#)... В центре города плоды совместной деятельности очевидны: добротные построенные дома и коттеджи, аккуратные аллеи: совсем как в Европе...

В кабинете мэра Ваника Асатряна тоже все по-европейски: никакой восточной роскоши, ничего лишнего. Единственное украшение — домотканый герб города над рабочим столом прекрасной работы. «Это дети из недавно отстроенной художественной школы», — улыбается мэр. Коротко, по делу отвечает на вопросы, сколько что уже построено, как живут и работают сегодня спитакцы. Судя по всему, сделано много: выросли новые дома, школы, больницы, детские сады. Но на вопрос, есть ли еще проблемы, мэр честно признается: «Да. Нужно построить как минимум 2 310 квартир, чтобы все, кто остался без жилья, получили крышу над головой. И с трудоустройством есть сложности. Ведь от промышленности тоже ничего не осталось. Сейчас действуют только швейная фабрика и мукомольный комбинат». Дополняют эту картину цифры. Почти половина населения все еще живет во временках, около 40% спитакцев в данный момент без работы, порядка 20% вынуждены уезжать на заработки, главным образом в Россию. За счет чего же живут люди? — «Занимаются земледелием, разводят мелкий скот. Но все будет, дайте время». Этому сдержанному, чуть даже сумрачному человеку хочется верить...

Попрощавшись с мэром, идем осматривать город. Сразу же попадаем на новую, явно отстроенную после землетрясения площадь с арками и фонтанами. Только какая-то она неживая: пустынно, фонтаны не действуют... Людей вообще на улице мало. А редкие

встречные не проявляют привычного южного любопытства к чужакам. Над городом повисла какая-то странная тишина. И она больше говорит о страшных событиях восемнадцатилетней давности, чем те редкие развалины, которые здесь специально оставили в память о трагедии. «Можно зайти к кому-то из местных, поговорить», — предлагает Ара. Наверное, надо, но нет, не могу. Обратно едем молча. «Какие мягкие здесь горы, так и хочется их погладить по «шерстке», — замечает Саша. Трудно представить, что эти мирные зеленые великаны могли вдруг взорваться и вмиг поглотить все живое вокруг.

...Вечером мы опять в Ереване и, дождавшись, когда спадет жара, совершаем первую вылазку в центр. Сразу замечаю, что там нет привычных с детства трамваев, троллейбусов и автобусов. Но ереванцы о них не жалеют: осталось метро, а на смену общественному наземному транспорту пришли комфортабельные маршрутки, ходят они регулярно — по расписанию. И проезд сравнительно недорогой (как, впрочем, и в местных такси) — около 100 драмов (0,25 доллара). Еще бросается в глаза, что город, где во время энергетического кризиса 1990-х вырубали половину деревьев, утопает в буйно разросшейся зелени. Лишь через пару дней понимаю, что ее просто не стригут. Вообще складывается ощущение, что коммунальные службы, как таковые, отсутствуют. Куда делись колоритные ереванские дворничихи моего детства, засветло выскабливающие тротуары до блеска? А аккуратные ярко цветущие газоны, похоже, тоже переместились на территории частных предприятий.

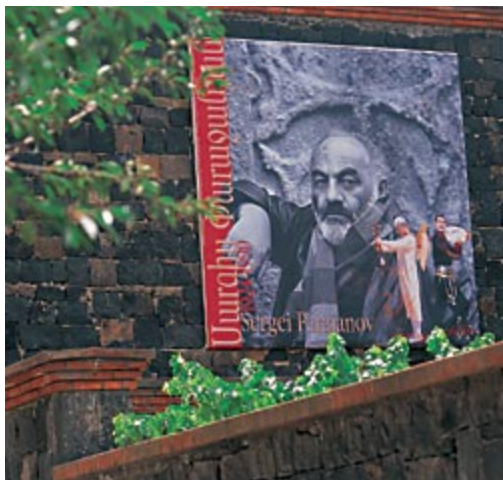
Памятник архитектору Александру Таманяну, склонившемуся над генеральным планом современного Еревана, который он, по сути, целиком спроектировал, стоит у подножия Каскада, сооружения в виде гигантской лестницы, соединяющей центр города с одной из самых высоких его точек — монументом «Возрожденная Армения»

и коктейли, холодный чай. А вот столь популярных в Москве пиццерий и суши-баров в городе мало. Армяне по-прежнему предпочитают свою [национальную кухню](#). Зайдите в любую, даже скромную на вид забегаловку и не прогадаете — накормят вкусно. В советское время, помню, рестораны были не столько местом, где можно испробовать кулинарные изыски, сколько «точкой», где собирались мужской компанией — посидеть за водкой и шашлыками, а вкусно поесть, как тогда считалось, можно было только дома. Сейчас все изменилось. Сидя за столиком моего любимого с детства кафе «Поплавок» (заслужившего это название тем, что оно буквально «зависло» над маленьким прудом), пьем кофе, слушаем джаз и постепенно заражаемся расслабленной атмосферой южного города. Но время от времени ловлю себя на том, что не могу не думать о тишине Спитака...

Вот мы и в самом сердце города, около здания Театра оперы и балета. Все в огромном радиусе от шедевра архитектора Таманяна сверкает огнями бесчисленных, перетекающих одно в другое кафе, играет живая музыка, толпится народ. Несмотря на поздний час, на удивление много детей (ереванцы настолько чадолюбивы, что не расстанутся с ними даже в «недетское» время). В воздухе повис аромат восточного кофе — любимого напитка моих соотечественников. Именно этот неформальный центр города, а не официальный — площадь Ленина (теперь — Республики), был и остается излюбленным местом отдыха столичных жителей. Ереван всегда славился своими уютными кафе, где за чашечкой кофе можно было часами вести беседы о смысле жизни. Только вот кособоких неустойчивых столиков и хромоногих стульев теперь уже нет, все по европейскому стандарту — и дизайн, и обслуживание. Да и ассортимент стал богаче — кроме отличного кофе на песке дают еще

День второй.

Бизнес как искусство, армянское бренди и армянский же оптимизм

Музей Сергея Параджанова был открыт на его родине сравнительно недавно и никогда не пустует. Здесь собраны коллажи, рисунки и живопись автора знаменитого фильма «Цвет граната»...

Сегодня понедельник, мы запланировали поход в Матенадаран, совсем забыв, что понедельник — всемирный день закрытых музеев. Тем не менее всем, кто окажется в Ереване, настоятельно рекомендую посетить эту крупнейшую в мире коллекцию манускриптов на древних языках, многие из которых украшены фантастическими средневековыми миниатюрами. Вообще в Ереване, как и полагается столице, много музеев. Недавно к ним добавился еще один — Дом-музей Сергея Параджанова. Правда, знаменитый кинорежиссер никогда в Армении не жил, но все свое художественное наследие — коллажи, рисунки, инсталляции — завещал родине своих предков.

Спускаемся по лестницам величественно-строгого здания Матенадарана, откуда открывается панорама на проспект Месропа Маштоца (бывший

Ленина), названный в честь создателя армянского алфавита, и сворачиваем на улицу архитектора Таманяна. Здесь начинается Каскад — одна из главных архитектурных достопримечательностей города, возведенная еще в 1970-х годах. Ереван, на зависть многим столицам, вообще богат на удачные монументы и памятники. И даже напоминающий многоярусную вавилонскую пирамиду Каскад, призванный всего лишь красиво соединить расположенный в котловине центр города с горным кварталом, смахивает на эффектную модернистскую скульптуру гигантских размеров. Огромные лестничные проемы с фонтанами поднимаются вверх по склону, увенчанному обелиском Возрожденной Армении (раньше этот памятник символизировал 50-летие установления в республике советской власти). Правда, фонтаны не работают, зато на вершине Каскада кипит строительство. Ара объясняет, что там будет Центр современного искусства, с музеем, библиотекой и конференц-залом, вокруг разобьют скульптурный парк с декоративными прудами, а наверху установят огромный монитор для показа фильмов. Все по проекту одного из наиболее востребованных американских архитекторов — Дэвида Хотсона — на средства американского бизнесмена Джерарда Гафесчяна. Уже закончены и действуют эскалаторы, по которым можно подняться наверх и полюбоваться панорамой города. Раньше, помню, вскарабкаться на верхушку Каскада решались разве что спортсмены. Проект нового культурного комплекса обойдется г-ну Гафесчяну на первом этапе в 25 миллионов долларов США. В музее разместится также его коллекция стекла и произведений современного искусства. Внизу, у подножия Каскада, уже стоит один из экспонатов будущего музея — «Черный кот» известнейшего южноамериканского художника и скульптора Фернандо Ботеро. Из-за излишней пышнотелости (отличительная марка Ботеро) кота, да к тому же еще и черного цвета, ереванцы сначала приняли его в штыки. Однако со временем привыкли, и теперь под скульптурой охотно назначают свидания влюбленные.

Помимо Центра искусства 88-летнему миллиардеру принадлежит в стране один из центральных телеканалов — «Армения», ряд печатных изданий и киностудия «Арменфильм». В советское время здесь снимали кино главным образом для «внутреннего пользования», за исключением разве что всемирно известного документалиста Артура Пелешяна, здесь не было, как на «Грузия-фильме», режиссеров, получивших международное признание. Возможно, что теперь, на полностью переоборудованной студии (в частности, запланированная лаборатория KODAK будет обслуживать и соседние Грузию с Ираном), да еще на щедрые деньги, которые Гафесчян будет давать на съемки фильмов, все пойдет по-другому?

Вот оно — зримое присутствие 6-миллионной армянской диаспоры (против 3-миллионного населения страны!) в экономике и культуре новой Армении. Вкладывает диаспора в основном в строительство, информационные технологии и традиционные промыслы: ювелирное дело и ковроткачество. В основном это армяне из России, США и Ирана, меньше — из Сирии, Ливана и Франции. Но большинство зарубежных соотечественников пока только присматриваются: насколько стабильна политическая ситуация в молодом (15-летнем) государстве, как развивается его экономика. Бизнес есть бизнес.

Что же касается других крупных иностранных сделок, то самая нашумевшая из них — приобретение знаменитого Ереванского коньячного завода французской компанией Pernod Ricard. Эта акция вызвала много нареканий и толков: дескать, продали чуть ли не главный бренд Армении. Но после развала Союза, главного потребителя продукции завода, было не до патриотической символики — речь шла об элементарном выживании. Теперь дела на заводе, судя по всему, идут хорошо. Маркетинг, бутылки и пробки — французские, дуб для бочек, виноград — армянские. Хотя надежды на обещанный французами выход на мировой рынок пока не оправдались — 80% по-прежнему потребляет российский. Что, впрочем, тоже неплохо. И со своими непосредственными конкурентами, теми, что через дорогу, — Ереванским вино-коньячно-водочным комбинатом «Арарат», принадлежащим местному олигарху Гагику Царукяну, — тоже договорились. Ереванский коньячный завод использует логотип «Арарат» на бутылках, а комбинат — в своем названии. На территории завода — чисто, везде аккуратные газоны, фонтанчики. Нас ведут в святая святых — в помещение, где отстаивается спирт, со временем превращаясь в янтарную амброзию «армянского бренди». Аромат в воздухе настолько густой, что впору опьянеть, только вдыхая его. Как же здесь люди работают? «Практически не болеют», — улыбается девушка-экскурсовод. Смешавшись с толпой вездесущих японских туристов, идем по аллее из бочек, на которых автографы Ельцина, Рыжкова, Лукашенко, Спивакова, Азнавура (звездный представитель французской диаспоры весьма активно помогает стране — в Гюмри его именем даже названа площадь). «Это наши подарки почетным гостям, они смогут забрать содержимое бочки, как только там получится настоящий коньяк. Лет через 5—10, не раньше», — объясняет любопытствующим туристам экскурсовод. Далее нас ждет дегустация. Директор отдела маркетинга завода — Зара Назарян — выпускница журфака МГУ, стажировалась в Сорбонне. Про коньяк она знает все. Нас интересует, как отличить настоящее армянское бренди от подделки. «Бутылки новой, усложненной формы, в которые мы сейчас разливаем коньяк, имитировать практически невозможно. К тому же они прозрачные, виден цвет коньяка, который зависит от выдержки». Тут же, в дегустационном зале, выставлена коллекция подделок: можно потренироваться определять их «на глаз» и «на ощупь». «Проводим и разъяснительную работу — устраиваем презентации, распространяем специальные буклеты, в Москве уже открыли адвокатскую контору», — продолжает Зара. Остается надеяться, что это сделает алкогольных пиратов более законопослушными...

На улице уже 30-градусная жара, но надо ехать на встречу с ректором Славянского университета. Образование — не менее важная для сегодняшней Армении тема, чем ее знаменитый коньяк. По дороге беседуем с Давидом, сменившим Ару. Вспоминаю, как высоко котировалось здесь высшее образование в годы моей юности. Родители готовы были пойти буквально на все, чтобы любимое чадо училось в престижном ереванском вузе. «Ничего не изменилось, — говорит Давид. — Только выбор сейчас больше, и появилось платное образование. Уже более 15 лет функционирует [Американский университет](#), открылись Европейская региональная академия и Российско-Армянский (Славянский) университет. Есть и иностранные студенты — представители диаспоры, индусы, арабы». Индусы и арабы?! «Наше образование качественное и в то же время сравнительно недорогое», — объясняет Давид.

Славянский университет открыл свои двери перед студентами в 1999 году, сразу предложив полный набор специальностей: от журналистики до прикладной математики и медицинской биохимии. Светлые аудитории, щедро оснащенные компьютерами, — такому может позавидовать любой московский вуз. За окном стройка — возводят

собственный спорткомплекс, самый крупный в республике (!). Ректор — Армен Дарбинян — человек в Армении известный. Выпускник МГУ, доктор экономических наук, член Российской академии естественных наук, автор многих научных трудов. До того как возглавил университет, успел побывать и министром экономики Армении, и даже премьер-министром. На вид ему — лет сорок, энергичный, собранный, явно не расположенный к долгим философским беседам. О вузе говорит с гордостью: «У нас сильные преподаватели. К тому же мы сочетаем российскую и армянскую программы: из обеих стараемся брать лучшее, в конце выдаем два диплома», а затем вдруг полушутя-полусерьезно добавляет: «И взятки не берем».

Преподавание в Славянском университете ведется на русском. Вообще в ходе поездки нас поразило знание этого языка: им владеют даже дети, которые родились и выросли уже в независимой Армении. Моя племянница, перешедшая в четвертый класс и до школы не знавшая по-русски ни слова, сейчас изъясняется на нем совершенно свободно, ну разве что с легким акцентом (с 1995 года русский изучают все без исключения школьники). Вспоминаю, что в советские годы, когда учебные заведения делились на русские и армянские, выпускники вторых русским практически не владели... Кстати, в моей русской школе, одной из лучших в Ереване, — сейчас испанская гимназия, открытая армянской диаспорой Аргентины...

Кажется, этому дню не будет конца. Вечером нас ждет еще одна встреча — помощник Президента Армении Виген Саркисян пригласил нашу группу на ужин. Признаюсь, что, хотя и слышана о ресторане «Долмама», иду я туда неохотно. Столько уже было увидено и пережито за этот день, а теперь еще предстоит общаться с официальным лицом — не расслабишься. Ресторан, расположенный в старой части города, приятно удивляет домашней обстановкой и ненавязчивым национальным колоритом. Но еще большей неожиданностью становится для нас молодой человек за одним из столов, явно улыбающийся нашей компании. Помощнику президента лет 30, не больше. Познакомились, расселись — вот и вся официальная часть. Говорим, конечно же, о новой Армении, о России, о путях развития обеих стран. Виген Саркисян — блестящий собеседник, он в курсе всех мало-мальски значимых событий не только политики и экономики, но и культуры. При этом с отличным чувством юмора (хотя последнее, скорее, наша национальная черта). Три часа пролетают как один миг. Уже ночью, засыпая, думаю о том, что все мои новые армянские знакомые — Ара, Давид, Карен, Зара Назарян, Армен Дарбинян и Виген Саркисян — чем-то похожи. Прекрасно образованные, деятельные. Но есть в них еще что-то, чего я раньше за своими соотечественниками не замечала: они уверены, что Армения обязательно станет процветающей страной. Куда же делся извечный пессимизм моего народа, столько пережившего за свою долгую историю?

Ковры и ковроткачество — национальная гордость и существенная статья национального дохода. Выбор велик — от подлинных старинных изделий до современных — недорогих, но хорошего качества

День третий.

Любимые ковры Марко Поло.

Строительный бум. Первопрестольный Эчмиадзин

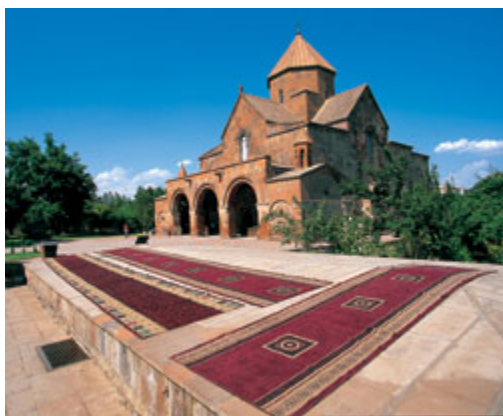
За всю Армению не ручаюсь, но Ереван точно охватила строительная лихорадка. Неудивительно, что, по официальным данным, большинство армян сейчас заняты в строительстве, за счет чего сильно сократилась трудовая миграция из страны и есть даже небольшая нехватка рабочих рук. К счастью, облик того Еревана, который я знала и к которому привыкла, с его благородной классической архитектурой из цветного туфа, оживленной национальными элементами, — ничуть от этого не пострадал. Этот стиль задал Александр Таманян в генплане развития города, утвержденном в 1924 году. Все, что строится здесь сейчас, вписывается в уже сложившийся облик. Более того, недавно решено было провести в жизнь одну из нереализованных доньше идей Таманяна: к пяти существующим проспектам города, которые сходятся к площади Республики, вскоре присоединится еще один — Северный, начинающийся от площади Свободы. На территории в 50 тысяч м², очищенной от старой застройки, растут огромные билдинги. Ереванцы

относятся к этому строительству неоднозначно: в городе много панельных многоэтажек, когда теперь дойдет очередь до их перестройки — неизвестно.

Возвращаемся в центр. Саша хочет снять знаменитые армянские ковры, которыми восхищался еще Марко Поло, назвав их в своей книге «красивейшими в мире». Отправляемся на бывшую фабрику «Хайгорг», основанную в 1920-х годах. В свое время ее продукция ценилась повсюду, собрав массу международных наград. После распада СССР «Хайгорг» пережил тяжелые времена: прекратился экспорт, рабочие не получали зарплату. В общем, типичная для постсоветской экономики история. Четыре года назад то, что осталось от комплекса — пришедшее в негодность здание с пережившим свой век оборудованием, — приобрели нью-йоркские предприниматели Мегерян. Уже три поколения этой семьи занимаются производством и продажей ковров ручной работы по всему миру. Megerian Rugs-Armen Carpet — так сейчас называется «Хайгорг». Здание отремонтировали, открыли филиалы по всей Армении, наладили вывоз: в Россию и Европу. Все остальное — по старинке. Мойка, окраска шерсти (натуральными красителями), процесс ткачества, обработка уже готовых ковров — происходит только вручную. Ничего не подделаешь, именно такие ковры сейчас ценятся на мировом рынке. Модернизация труда этому древнему ремеслу противопоказана, и за каждым из удивительных хитросплетений орнамента — кропотливая работа. Вот только кондиционеры все же не помешали бы: уж очень душно работать с овечьей шерстью, да еще на жаре.

Все, перемен и преобразований на сегодня достаточно. Едем в древний **Эчмиадзин** — цитадель Армянской Апостольской церкви — уж там-то точно все, как и много веков назад. Но тут же перед входом во двор монастырского комплекса видим новый памятник, похожий на большую распахнутую книгу: открытый алтарь появился здесь в 2001 году, когда праздновали 1700-летие принятия христианства. Тогда на нем отслужили совместную экуменическую службу Католикос всех армян Гарегин II и Папа Римский Иоанн Павел II.

Главный армянский храм, заложенный в IV веке, строился не одно столетие. Внутренняя отделка, завершенная в XVIII веке, впечатляет византийской роскошью, несвойственной армянским церквям: местные храмы и часовни в большинстве своем встречают вас суровой оголенностью своей древней каменной кладки, скупо украшенной рельефами.

Церковь Святой Гаянэ в Эчмиадзине — прекрасный образец средневековой армянской архитектуры (это ранняя крестово-купольная базилика). Возведена в 630 году на месте часовни IV века

С Католикосом всех армян Гарегином II, увы, встретиться не удалось — Святейший уехал в Стамбул к Вселенскому православному патриарху Варфоломею I... Пришлось довольствоваться экскурсией по его резиденции и музее-сокровищнице, экспонаты которой только что вернулись с выставки в петербургском Эрмитаже в рамках года Армении в России. Здесь же, на территории монастыря, — Духовная семинария. Слушателей — всего 50 человек, и стать одним из них очень непросто: даже в советские годы желающих поучиться здесь было много. Армения так часто лишалась государственности, что авторитет церкви как символа духовного и культурного единения народа оставался высоким при любой власти (портреты Католикоса и в советское время висели на видном месте

практически во всех армянских домах).

Но самое интересное, по-моему, находится за территорией комплекса. Церкви Св. Рипсимэ и Св. Гаянэ VII века — шедевры раннехристианского зодчества, вошедшие во все учебники мировой архитектуры. Скромны и девственны, как и сами христианские мученицы, в честь которых воздвигнуты. Совершенство лаконичных форм, сдержанный декор — ничего лишнего. Не было ни разу, чтобы я приехала в Эчмиадзин и забыла посетить эти места. Здесь всегда царилла какая-то особенная атмосфера — покоя и умиротворенности. И сейчас я ощутила ее почти физически, как тогда, в юные годы, когда приезжала со школьными подружками будним днем, чтобы просто помечтать под сенью древних стен о чем-то своем, о девичьем...

День четвертый.

Без туристов. Гарни-Гегард

Сегодня у нас — исключительно культурная программа. Едем в Гарни-Гегард, чтобы посмотреть единственный сохранившийся в Армении языческий храм и уникальный пещерный монастырь. Это один из самых коротких и в то же время красивых маршрутов по стране. Дорога вьется по мягким склонам Гегамского хребта, покрытого степной растительностью и фруктовыми садами. То тут, то там эту гладь прорывает вулканическая порода с естественными и искусственными пещерами. Но вот, наконец, где-то внизу слышится шум быстрой реки Азат, мелькают утопающие в садах дома поселка Гарни — и, как всегда неожиданно, на скалистом мысе в окружении гор вырастает стройная колоннада античного храма. Построенный в I веке Трдатом I и посвященный богу Солнца, спустя век он стал летней резиденцией армянских царей («домом прохлады» называют его летописцы). Природная неприступность была усилена 25-метровой стеной из огромных базальтовых глыб. Двухэтажный дворец и античные бани с мозаиками сегодня можно увидеть лишь в виде развалин, а вот разрушенный землетрясением храм в 1960—1970 годы восстановили. Обычно туристы ограничиваются созерцанием его изящных портиков и ионических колонн, однако Саше приходит мысль снять храм из ущелья внизу как часть самого пейзажа. Спускаемся туда на машине. Слава богу, что у нашего водителя Гагика джип — дороги практически нет. И там нас ждет настоящее чудо (спасибо Саше!), ущелье из мощных базальтовых сталактитов, стремительно уходящих под небеса, смотрится гигантским органом.

Но пора ехать дальше — Гегард. Дорога проходит по живописному ущелью реки Азат, на одной из отвесных скал которого и расположен знаменитый монастырь. Как пишут древние авторы, Айриванк («пещерная обитель») появился уже в IV веке, позже он был назван «Сурб Гегардом», что означает «святое копье» (здесь хранилось копье, которым распятого Христа пронзил римский стражник, ныне эта реликвия — достояние Эчмиадзина). Следов древнейших сооружений не осталось, до нас дошли лишь постройки XIII века. Заходим в притвор главной церкви: в стенах видны два небольших дверных проема, ведущих в глубь горы. Именно здесь нас ждет самое интересное — интерьеры, целиком высеченные в скальной породе. Первая дверь открывается в небольшое пространство с устремленными ввысь стрельчатыми арками и декором, мастерски имитирующим сталактиты. Вторая ведет в усыпальницу рода Прошьянов с горным источником, бьющим прямо из-под земли, и в церковь Богородицы.

Снаружи замечаем рядом небольшую пасеку. Выясняется, что она принадлежит армянину из Америки, приехавшему сюда жить несколько лет назад, и будто бы мед столь хорош, что его даже поставляют к столу Его Святейшества. Стабильность в стране делает свое дело. Возвращаются те, кто в годы разрухи вынужден был уехать в Россию на заработки, а еще стали приезжать армяне, никогда раньше на исторической родине не бывавшие, — осматриваются и тоже приобретают здесь участки, строят дома, открывают свое дело. Кто теперь скажет, что армяне — вечные скитальцы, ищущие лучшую долю везде, кроме дома?

Внизу, у подножия монастыря, крестьяне из близлежащих деревень, как и в моем детстве, предлагают наперебой приезжающим местные сладости. Покупаем традиционную, пресноватую армянскую слойку — гату (как и настоящий армянский лаваш, она отличается тем, что практически не черствеет). Собственно говоря, кроме нас, предлагать все это продавцам особенно некому. Не вижу привычного с детства скопища легковушек и автобусов. Может, потому, что сегодня будний день?.. А в мое время Гегард как место паломничества по популярности соперничал с Эчмиадзином. Сюда приезжали крестить детей, на церковные праздники, причем паломники не забывали прихватить с собой барана или птицу — обычай жертвоприношений в Армении дожил до наших дней. Теперь здесь только школьные группы и редкие туристы, да и то, как правило, западные. Вот уж, кстати, если что надо развивать в Армении, так это туризм! Такого количества памятников на квадратный километр, да еще в окружении живописнейшей природы, нет нигде. От Еревана все близко, ну разве что на юг, что на границе с Ираном, надо ехать с ночевкой... Что же касается гаты, то она оказалась такой же вкусной, как и в детстве.

День пятый.

Горы и пляжи: Цахкадзор и Севан

Горнолыжный курорт Цахкадзор когда-то славился на весь Союз прекрасными трассами, хорошим климатом, густыми лесами и лечебными источниками. Затем, в «переходный период», он, как и все подобные предприятия, прозябал, и только в 1998-м государство выделило средства на восстановление комплекса. Отремонтировали старые, стали возводить новые гостиницы и пансионаты. В прошлом году правительство утвердило программу развития Цахкадзора стоимостью 1,747 миллиарда драмов (около 4 миллионов долларов), остальное добавят частные лица и организации. Уже подписан договор со Швейцарией. Зачем швейцарцам курорт в далекой Армении? На этот вопрос отвечает заместитель мэра Ованес Мкртчян: «Во-первых, у нас не бывает лавин, во-вторых, вокруг древние памятники, которых у них нет. Хотите — совершенствуйте тело, хотите — дух». За культурой и в самом деле далеко ходить не надо — прямо на северо-западной окраине Цахкадзора находится монастырский комплекс «Кечарис», основанный в XI веке. Г-н Мкртчян показывает свое большое хозяйство — четыре отлично оборудованных спортивных зала, три суперсовременных бассейна, новые лыжные трассы (в прошлом году на местной базе тренировались российские лыжники-олимпийцы). Бешеными темпами строятся 11 новых отелей...

Вот только где же туристы? «Во-первых, пока не сезон. Во-вторых, приезжайте в выходные — здесь шагу негде ступить, — бодро рапортует г-н Мкртчян (традиционно Цахкадзор — любимое место отдыха ереванцев, спасающихся здесь от летнего зноя). — В 2003 году из России приехали 150, в этом — уже 600 туристов!» В процентном соотношении рост налицо, а вот в количественном пока оставляет желать лучшего... Правда, для привлечения иностранных туристов уже созданы рекламные ролики, которые в скором времени будут крутить по CNN, BBC и Euronews. Напоследок нам предлагают испробовать новую канатную дорогу. Высота 3 000 метров, вокруг парят орлы, потрясающая панорама гор, внизу — огромные маки. Таких я не встречала больше нигде. Так что спешите в Цахкадзор, пока его не заполнили толпы разноязычных туристов-лыжников и пока цены позволяют.

Монастырская жизнь протекает на берегах озера Севан чуть ли не с первых веков христианства, а первые материальные ее памятники появились в веке IX

Впереди Севан, всегда остававшийся для меня созвучным «синеве». Говорят, что некогда берега озера были покрыты густыми лесами, и сейчас вокруг озера вновь насаждают зеленые массивы. Выскажу крамольную мысль: оголенность ландшафта Севану только к лицу. Она позволяет объять взглядом всю синеву и безбрежность удивительного реликтового моря, образовавшегося 250 тысяч лет назад на месте потухшего вулкана. В 1930-е годы, когда воды озера стали выкачивать для гидроэлектростанций и орошения близлежащих земель, Севан начал постепенно высыхать. Позже решили через тоннель подвести с юга воды реки Арпа. Уровень воды перестал опускаться, но образовавшийся из острова полуостров на северо-западе озера так им и остался. И мы спешим на него подняться, чтобы полюбоваться вблизи двумя храмами из черного туфа. Они — IX века, но кажется, что стояли здесь вечно, как два стража озера.

В советское время вокруг Севана на скорую руку понастроили невзрачные пансионаты, появились дикие пляжи. Те самые пансионаты все еще омрачают пейзаж, но теперь к ним добавились атрибуты цивилизованного отдыха с зонтами, шезлонгами, барами и ресторанами, где кормят свежей озерной рыбой — сигом и раками. А вот знаменитую севанскую форель теперь можно найти только в Красной книге. И еще одна, мало радующая примета нового времени: сплошь и рядом предлагают сувениры, причем с навязчивостью, заставляющей вспомнить страну пирамид и верблюдов.

Светит солнце, погода вполне купальная, и мои спутники не преминули погрузиться в прохладные воды озера. Правда, ненадолго. Севан есть Севан — все-таки на высоте почти 2 000 метров над уровнем моря — в одну секунду небо затянулось тучами, подул шквальный ветер, стало очень холодно. Не верится, что мы находимся буквально в 30 минутах езды от Еревана, где 30-градусная жара.

День шестой и последний.

Библейская гора, Григорий Просветитель и абрикосы

Библейская гора сопровождала нас на протяжении путешествия: в Ереване и окрестностях Арарат виден практически отовсюду. Правда, в жаркую погоду гора растворяется во мгле городского смога, но стоит чуть-чуть подуть ветерку — и вот она вновь во всей своей красе. Мы любовались ею с разных точек города, расстраивались, когда она пропадала, спохватывались, что не вспоминали о ней вот уже несколько часов. Саша готов был снимать вершину бесконечно — вот «она опять ушла, жалко», а отсюда «ракурс не тот», а вот сейчас — «именно оно». Но самый потрясающий вид на гору открывается из окон моего родительского дома...

Сегодня мы едем к Арарату в гости: монастырь Хор-Вирап, куда лежит наш путь, стоит у подножия горы, и здесь ее можно «потрогать руками». А находится он, как и сам Ереван, в сердце Араратской долины, чьи плодороднейшие земли, несмотря на жаркое, сухое лето и суровые зимы, дают удивительно сладкий виноград и вкуснейшие абрикосы (о том, что значат здесь эти плоды, говорит то, что именно «золотой абрикос» избран символом международного кинофестиваля, уже третий год проходящего в армянской столице).

Сбор абрикосов — «главного» армянского фрукта — в Араратской долине

В абрикосовых садах повсюду идет сбор урожая. Подходим к одной компании сборщиков, — оказалось, это семья, которой принадлежит сад. В Армении приватизировано все, за исключением разве что атомной электростанции, — от заводов и ГЭС до таких вот фруктовых плантаций. Результат не заставил себя долго ждать — страна, в которой не было света и тепла, теперь уже продает излишки электроэнергии соседям, и не только обеспечивает себя сельхозпродуктами, но и экспортирует их.

Но вот и сам Хор-Вирап. После Св. Эчмиадзина и Гегарда — это, наверное, самое почитаемое место в Армении. «Хор вирап» в переводе означает «глубокая темница». Монастырь построен над подземельем, где, по преданию, был заточен и обречен на голодную смерть Трдатом III за проповедь христианства Григорий Просветитель. Но Григорий не умер от голода — каждый день неизвестная женщина спускала ему воду и еду. А потом царь тяжело заболел, и ему приснился сон, что только Григорий может излечить его. Он был

удивлен, узнав, что пленник еще жив. А тот будто бы сумел своими молитвами вылечить монарха. В 301 году царь Трдат III провозгласил христианство государственной религией Армении, а Григорий Просветитель стал первым армянским Католикосом. Темница сохранилась до наших дней — над ней стоит часовня Св. Григория, построенная, как и весь монастырский комплекс, в XVII веке.

У этих начал армянской культуры, у духовных основ народной жизни мы Армению и оставим — в Араратской долине, любясь вершиной библейской горы, рядом с местом, где томился в заточении один из первых поборников христианства.

...Вечером простимся и с Ереваном. Неделя прошла как один день, все промелькнуло как во сне. Я как будто побывала в новой, доселе неизвестной мне стране, где время от времени что-то соотносилось со страной моего детства.

Монастырь Хор-Вирап у подножия Арарата — одна из святынь Армянской Апостольской церкви, популярное место паломничества. По преданию, здесь находилась темница, где томился Григорий Просветитель — за проповедь христианства. В 642 году на месте этой темницы воздвигли первую часовню. Церковь Богородицы и весь нынешний комплекс — XVII века

День седьмой (эпилог)

На пути в Звартноц на территории аэропорта вижу строящееся суперсовременное здание. «Это новый пассажирский терминал, в сентябре будет готов зал прибытия, а в следующем году — зал вылета пассажиров», — объясняет провожающий нас Ара. Аэропорт на 30 лет передан в концессию американской холдинговой компании, принадлежащей аргентинцу армянского происхождения Эдуардо Эрнекяну. Общая стоимость проекта — 253 миллиона долларов США — сумма немалая. Но и аэропорт обещает быть самым крупным в регионе. Так что в следующий раз Ереван встретит нас не только древним Араратом, но и суперсовременным аэропортом — еще одним символом новой Армении.

Редакция благодарит армянское PR-агентство «Медиабренд» за помощь в подготовке материала.

Кара Мискарян / Фото Александра Тягны-Рядно

http://www.vokrugsveta.ru/vs/?article_id=2904